ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Выпуск 8(65). 2020. Том 10

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений»
включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по политическим и историческим наукам

МОСКВА, 2020

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ

Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ

д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА

д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО

д.п.н., профессор Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Вадим Витальевич
ГАЙДУК

д.п.н., профессор Башкирского государственного
университета

Леокadia Михайловна
ДРОБИЖЕВА

д.и.н., руководитель Центра исследования
межнациональных отношений Института Социологии
ФНИСЦ РАН

Владимир Юрьевич
ЗОРИН

д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

Раушан Мухахановна
КАНАПЬЯНОВА

д.п.н., профессор кафедры международного
культурного сотрудничества МГИК

В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ

д.и.н., профессор кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов

Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ

д.и.н., профессор Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина

Игорь Георгиевич
КОСИКОВ

д.и.н., главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН

Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ

д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА

д.и.н. профессор, заведующая кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов

Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА

к.п.н., ответственный редактор

Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ

д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института
управления – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ

Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ

д.и.н., профессор кафедры истории России Российского
университета дружбы народов

Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой стран
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала

Вильям Владимирович
ШИМИДТ

д.ф.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

Члены ред. коллегии:

Медведев Н.П. (зам. главного редактора),
Сыздыкова Ж.С. (зам. главного редактора),
Перкова Д.В. (ответственный редактор),
Болтенкова Л.Ф., Дробичева Л.А.,
Слизовский Д.Е.

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН

В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор
журнала: 1,006

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4

Тел.: (910) 463-53-42

www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.08.2020.

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 00000.

Отпечатано
в типографии PrintUP

117105, г. Москва,
Нагорный проезд, 12, корп. 1
Тел.: +7 (495) 925-00-06

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и

2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals

Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал *ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ* – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus

2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rosspchat Agency catalogue is: 70114

Objectives and themes

Academic journal “*Issues of National and Federative Relations*” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “Domestic history, ethnology and ethnography”, “History of international relations and world politics”, “History and philosophy of politics”, “Political institutions, processes and technologies”, “Political culture, ethnopoltics and ideologies”, “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Баранов В.П., Климов А.А. Применение личного состава войск НКВД СССР в борьбе с националистическим подпольем в годы Великой Отечественной войны	1952
Костриков С.П. Реакция русской прессы на события 29 мая 1903 г. в Белграде (По материалам газет «Новое Время» и «Русские Ведомости»).....	1962
Волков А.П. Опыт обеспечения безопасности дорожного движения в 1950-1970-е годы в СССР	1971
Беркутов А.С., Климов А.А. Деятельность органов НКВД СССР по обеспечению общественной безопасности в годы Великой Отечественной войны	1978
Шавлаева Т.М. Практика использования зимних пастбищ в традиционном обществе чеченцев	1988
Арапханова Л.Я., Костоев З.И. Национальная политика СССР на Северном Кавказе в 1922-1945 гг.....	1998
Безик Ю.И. Православное военное духовенство и духовенство иноверных исповеданий в русской императорской армии в период Первой мировой войны: вопросы веротерпимости	2006
Лысенко Ю.М. Большая серия о «малых» и не только... Монографии о народах Дагестана: история и опыт создания	2016
Сабирова Е.Н., Яковлева Р.П. Праздничная культура евреев Башкортостана: сохранение и трансформация	2026
Осипенко С.В. Из истории составления проекта Гражданского уложения под руководством М.М. Сперанского.....	2034
Ванькина Е.А. Финансирование мирового суда в царской России.....	2042
Глебова Т.Н. Криминогенная обстановка в Симбирской губернии в 1914-1918 гг.: причины и последствия	2048
Котельников В.В. Движение Кенесары Касымова: исторические аспекты исследования	2053
Пустырев П.В. «Кризис надежности» в советском танкостроении 1942 года (на материалах завода № 112)	2064
Евстратов М.В. Реформирование Вооруженных сил СССР и подготовка резервов Красной армии в 1921-1941 гг.: кадровые проблемы	2072
Букина Д.В. Гетто как особый тип концентрационных лагерей	2079
Павлова А.Н. Испанская праздничная кухня: сохранение традиций	2086

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

Гаджиев К.С. Об идее «желтой опасности» и американской версии синофобии	2096
--	------

Михайленко А.Н. Теоретические и концептуальные основы развития Союзного государства России и Белоруссии.....2110

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Копылов И.А., Матвеев О.В., Ястремский А.М. Некоторые проблемы безопасности российской Арктики: военно-политический аспект 2125

Глимахова Л.Х. Нациестроительство для современной России: состояние вопроса и проблемы, препятствующие его решению 2137

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Лукин А.Д. Роль и место экологической безопасности в международных отношениях в Арктическом регионе 2150

Мелконян С.Г. Угрозы безопасности Израиля, исходящие из вооруженного конфликта в Сирии 2157

Бакуля И.Ю. Неинституциональные преобразования в Южно-Африканской республике в следствии пандемии COVID-19..... 2164

Лэй Шуан. Развитие и перспективы китайско-российского совместного строительства «Ледового шелкового пути» 2170

Будник А.И., Григорьева Т.В., Кан А.А. Через дискурс и тренды к точности теории международных отношений 2181

Захарова С.Ю. Символическая коммуникация в международных отношениях. Кукла как дипломатический дар 2188

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Кошкарева С.Г. Русско-японские отношения на Камчатке после заключения Рыболовной конвенции 1907 г. 2194

Аргириос Тасулас. Потенциальное «яблоко раздора»: Кипр в советском внешнеполитическом анализе в 1946-1953 гг. 2202

НАШИ АВТОРЫ 2212

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 2218

DOI 10.35775/PSI.2020.65.8.018

УДК 32.327

К.С. ГАДЖИЕВ

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Национального
исследовательского Института мировой экономики
и международных отношений РАН,
Россия, г. Москва

ОБ ИДЕЕ «ЖЕЛТОЙ ОПАСНОСТИ» И АМЕРИКАНСКОЙ ВЕРСИИ СИНОФОБИИ

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые, на взгляд автора, ключевые факторы, в совокупности определяющие системные и структурные составляющие феномена синофобии, которая вместе с русофобией стала неотъемлемой частью политической стратегии США. Показано, что исторически синофобия является одним из главных проявлений идеи так называемой «желтой опасности», возникшей еще в XIX веке. Главное внимание концентрируется на обосновании тезиса, согласно которому природа, и предназначение американской версии синофобии в нынешнем виде определяется характером борьбы между двумя экономико-технологическими и военно-политическими гигантами за господствующие позиции в современном мире.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, желтая опасность, синофобия, русофобия, ксенофобия, политика, стратегия, борьба, коронавирус, пандемия.

K.S. GADGIEV

Doctor of Sciences (history), Professor,
Chief Researcher at the National Research
Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ON THE IDEA OF «YELLOW DANGER» AND THE AMERICAN VERSION OF SINOPHOBIA

The article attempts to identify and analyze some, in the author's opinion, key factors that together determine the systemic and structural components of the phenomenon of synophobia, which, together with Russophobia, has become

an integral part of the US political strategy. It is shown that historically synophobia is one of the main manifestations of the idea of the so-called «yellow danger» that arose in the 19th century. The main attention is focused on substantiating the thesis according to which the nature and purpose of the American version of sinophobia in its current form is determined by the nature of the struggle between two economic, technological and military-political giants for dominant positions in the modern world.

Key words: *China, USA, Russia, yellow danger, synophobia, Russophobia, xenophobia, politics, strategy, fight, coronavirus, pandemic, etc.*

Исторический экскурс. Феномен так называемой «желтой опасности» имеет длительную историю и теснейшим образом связан с появлением на Западе различных вариантов расистских теорий. Появившись в США в 70-х годах XIX века, этот феномен постепенно получил распространение в европейских странах, в том числе в России. Одним из проявлений данного феномена стала синофобия, или фобия в отношении китайцев или Китая в целом, которая в силу комплекса факторов приобрела крайние формы на Западе, главным образом в США в последние полтора-два десятилетия.

Одним из факторов, стимулировавших появление феномена «желтой опасности», а за ним синофобии на Западе стал рост иммиграции китайцев в западные страны в поисках работы, прежде всего, в крупных железнодорожных компаниях в последние десятилетия XIX века с началом строительства трансконтинентальных железных дорог на североамериканском континенте. Опасения на рынке труда США, вызванные в результате всевозрастающего притока китайских мигрантов, послужили существенным фактором, спровоцировавшим массовые анти-иммигрантские настроения среди населения. Это, как отмечает В.И. Дятлов, привело к «формированию мощного течения в массовой культуре – от карикатурного героя Желтого Малыша (Yellow Kid) до пережившего весь XX век образа «зловещего доктора Фу Манчу», героя серии детективных романов и фильмов – мистического восточного человека, хитрого, коварного, обладающего невероятным умом и огромной образованностью... Это абсолютный злодей, стремящийся к уничтожению европейского мира» [3]. Подобные образы и страхи американцев и европейцев подпитывались сообщениями об Опиумных войнах и восстания секты тайпинов в Китае с 1851 по 1864 годы, жертвами которых стали от 20 до 30 млн. чел.

Известный немецкий географ, один из основателей географического детерминизма Ф. Ратцель в 1876 году писал: «когда представляешь огромную численность этого народа, предстает образ «желтого кошмара», необоримого монгольского нашествия» [9]. Французский ученый-географ того периода Реклю Элизе рассматривал китайцев чуть ли не как угрозу «бла-

гополучию белого пролетариата», а деятель немецкого и международного рабочего движения, социал-демократ Август Бебель рассматривал «германский капитал в Китае», как опасный конкурент для немецких рабочих.

Обращает на себя внимание тот факт, что довольно критически относился к Китаю К. Маркс. «Тайпин, – писал он, – это, очевидно, дьявол *in persona* (во плоти), каким его должна рисовать себе китайская фантазия. Но только в Китае и возможен такого рода дьявол». Для него, утверждал Маркс, «человеческая голова для тайпина стоит не более, чем кочан капусты» [4. С. 139]. Это при всем том, что самих китайцев в Европе было значительно меньше, чем в США. Справедливости ради следует признать, что тема «желтой опасности» вплоть до китайско-японской войны 1894-1895 годов не занимала сколько-нибудь заметное место в общественном сознании народов Европы.

При всем том, среди определенной части интеллектуальной и политической элиты данная идея постепенно начала приобретать популярность. С этой точки зрения интерес представляет предупреждение Кайзера Германии Вильгельма II русскому царю в переписке с Николаем II: «Великая задача, которая встанет в будущем перед Россией, – поддержать процесс цивилизации на азиатском континенте и защитить Европу от наступления желтой расы» [8].

В России одним из первых мыслителей, который как бы интуитивно почувствовал угрозу «желтой опасности», стал В. Соловьев. В последние годы своей жизни он как бы пребывал в предчувствии мировой катастрофы, наступления Армагеддона. Такая позиция особенно отчетливо выразилась в его работах последних лет жизни: поэме «Панмонголизм», «Антихрист», «Китай и Европа», «Враг с Востока», «По поводу последних событий», «Три разговора». В них красной нитью проходит мысль о неизбежности столкновения Запада с народами Востока, прежде всего с Китаем, что рассматривается как преддверие Апокалипсиса. Еще в «Оправдании добра» Соловьев предсказывал разрушительную войну Азии против Европы. Но уже вскоре он начинает чувствовать нечто более пугающее, а именно, «дыхание антихриста», якобы исходящее с Азии. В «Трех разговорах» утверждается, что узнав «о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма», японцы провозглашают панмонголизм, захватывают Пекин и Корею и вместе с китайцами завоевывают Европу.

В духе Соловьева с теми или иными нюансами и оговорками рассуждали Д.С. Мережковский, Н. Бердяев, известный предприниматель и общественный деятель Дальнего Востока С. Меркулов, публицист начала XX в. С.Ф. Шарапов, известный специалист по Дальнему Востоку Л. Болховитинов и другие представители общественно-политической мысли, интеллектуальной и политической элиты России. «На пепелище старой христианской Европы, истощенной, потрясенной до самых оснований собственными

варварскими хаотическими стихиями, – с горечью писал, например, Н. Бердяев, – пожелает занять господствующее положение иная, чужая нам раса, с иной верой, с чуждой нам цивилизацией... После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы» [2. С. 5].

Вполне возможно, что в этих и подобных им рассуждениях подспудно присутствовало осознание тех тектонических сдвигов, которые постепенно накапливались в глубинных пластах жизнеустройства и сознании западного человечества.

Своего рода новым событием, давшим дополнительный толчок идее «желтой опасности» стало, так называемое Боксерское восстание 1900 года, участники которого объявили своей целью изгнание из Китая всего «чужеродного» (aller «Fremden»). В ходе восстания был убит посол Германии, после чего восставшие взяли в осаду посольский квартал в Пекине, которая продлилась два месяца. Однако, как известно, восстание было подавлено [9]. В итоге понятие «желтая опасность» приобрело более или менее четкие очертания. Наряду с ним в обиход вошли понятия «желтый кошмар», «желтый призрак», «желтая угроза» («Gelbe Gefahr», «Gelber Schrecken», «Gelbes Gespenst», «The Yellow Peril», «The Yellow danger», «The Yellow Alert», «Le péril jaune» и т.д.). На официальном уровне фобии в отношении китайцев проявлялась в принятии законов, направленных на ограничение китайской иммиграции. В их числе можно назвать Акт об исключении китайцев, Акт об иммиграции китайцев (Chinese Immigration Act of 1923), законы об анти-китайском зонировании территории и др. Акт об иммиграции китайцев запрещал дальнейшую иммиграцию за исключением особых случаев.

Идеи и разного рода доводы и рассуждения о желтой опасности нередко отождествлялись с Японией. Победа Японии в русско-японской войне 1904-1905 гг. действительно показала, что на Дальнем Востоке на мировую авансцену вышла новая военно-политическая держава, способная выступать в качестве реального субъекта международных отношений и на равных соперничать с традиционными военно-политическими державами Запада. Эта война, закончившаяся победой «цветного народа» над «белым» христианским народом оставила глубокий след в умах западных людей как предвестие вступления человечества в новый век не только в его календарном, но и в качественно новом геополитическом измерении.

В результате нападения японцев на Перл-Харбор в декабре 1941 года эта тема, которая после первой мировой войны как бы исчезла из политического лексикона Запада, снова стала популярной, поскольку Япония стала символом реальной угрозы для целого ряда государств, в том числе СССР и США. Как известно, одним из ответов на нее стало интернирование проживавших в США этнических японцев, имевших американское гражданство.

Более того, в гражданской войне в Китае американцы были склонны симпатизировать не столько Гоминьдану, сколько коммунистам, которых характеризовали как повстанцев-крестьян. Однако после второй мировой войны особенно после победы в Китае осенью 1949 года коммунистов во главе с Мао Цзедунем, их оценки положения дел в этой стране радикально изменились, желтая опасность стала ассоциироваться большей частью с китайской угрозой. Дополнительную лепту в эту тенденцию внесла корейская война, в которой китайские воинские подразделения принимали активное участие на стороне Северной Кореи. Все же синофобия постепенно приобрела значимость одного из немаловажных составляющих в геополитических реалиях современного мира в последние полтора-два десятилетия, когда Вашингтон объявил Поднебесную наряду с Россией главной угрозой национальной безопасности США.

Синофобия через призму геополитического противостояния США и КНР. Кажущийся, на первый взгляд, парадокс современного мира состоит в том, что расизм и ксенофобия в различных их формах и проявлениях выступают не как аномалии, или реликты прошлого, а как норма. После распада СССР ксенофобия и национализм, зачастую приобретающие крайние формы шовинизма и неонацизма с специфическими нюансами и оттенками, стали составным элементом менталитета официальной идеологии политической, интеллектуальной и медийной элиты целого ряда государств, что особенно отчетливо проявляется в Восточной Европе. В высшей степени гуманистические по своему происхождению и первоначальным установкам и целям идеи и ценности прав и свобод человека, политической демократии, феминизма, экологизма, политкорректности и т.д. в силу целого комплекса факторов парадоксальным образом вырождаются, приобретая признаки тоталитаризма в его фашистских и нацистских ипостасях. Пандемия коронавируса придала тем довольно серьезным противоречиям, которые произошли за последние полтора-два десятилетия в инфраструктурных составляющих современного мира, сильнейший толчок и дополнительную остроту.

Тоже самое с значительной долей обоснованности можно сказать о различных проявлениях ксенофобии, в том числе русофобии и синофобии. Следует отметить, что стремительное восхождение Поднебесной вызывает обоснованную озабоченность и даже приводит в замешательство не только ее конкурентов на Западе, но также в силу целого комплекса факторов, исторического, демографического, территориально-географического этно-национального и иного характера соседних стран, особенно Юго-Восточной Азии. Синофобия распространена также в странах, где существуют более или менее крупные диаспоры китайцев, в частности так называемых хуацяо. Она подпитывается национализмом соответствующих народов, будь то японским, корейским, индийским, вьетнамским, индонезийским.

Здесь важно учесть, что отношения остального мира к Китаю нельзя рассматривать односторонне в черно-белом свете. Достижения Поднебесной в экономике и технологической сфере, решении проблем нищеты и бедности десятков, сотен миллионов людей, вызывая, с одной стороны, зависть и раздражение, подозрения соседних (к примеру, Гонконге и Сингапуре, где подавляющее большинство населения составляют этнические китайцы) и не только стран и народов в стремлении к экономическому господству, с другой стороны, вызывает у многих восхищение и симпатии к этой великой стране. Как не без оснований отмечает Т. Вонг, «для некоторых людей, рассматривающих, как Китай справился с кризисом коронавируса, «существует невероятное восхищение тем, что могут сделать китайцы, например, строительство больниц в течение нескольких дней. Но есть также презрение к их неспособности сдерживать такие вещи, как торговля дикими животными или быть функционально прозрачным» [16].

О характере оценок разных стран к Китаю свидетельствуют, например, результаты опроса общественного мнения, проведенного в 2013 году Исследовательским центром Пью (США). Они в частности показывают, что лишь половина опрошенных 19 из 38 стран оценивали Китай положительно. В их числе жители Малайзии – 81%, Пакистана – 81%; Кении – 78%, Сенегала – 77%, Нигерии – 76%; Венесуэлы – 71%, Бразилии – 65%, Чили – 62%. Иное положение в западных странах, где довольно сильны антикитайские настроения. Положительно оценивают Китай только 28% немцев и итальянцев, 37% американцев, 5% японцев. При этом интерес представляет тот факт, что только в 11 из 38 государств по крайней мере половина опрошенных высказалась о Китае негативно. В Японии такой позиции придерживались 93% опрошенных, в Германии – 64%, Италии – 62% и Израиле – 60% [7].

Можно утверждать, что большинство стран, где проводились опросы общественного мнения, не избежали той или иной степени негативных оценок Китая, порой достигающих уровня синофобии. При этом, можно утверждать, что в современном мире в силу комплекса известных факторов она приобретает новые штрихи и нюансы. Если раньше она была окрашена националистическими, расистскими, просто ксенофобскими цветами, в основе которых лежало пренебрежительное отношение к отсталым в социально-экономическом и технологическом плане народам, которые, как предполагалось, безоговорочно должны подчиняться цивилизованным народам Запада. Можно предположить, что поведение соответствующих народов во многом объясняется простым желанием обезопасить своих клиентов от заражения коронавирусом. Тем не менее, нельзя исключить также расистские, явно ксенофобские мотивы, что проявляются в частности в росте предубеждений в отношении китайских туристов.

Естественно, в азиатских странах, особенно у соседей Поднебесной синофобия имеет свои особенности. Так, в Японии получили популярность

хэштег #ChineseDon'tComeToJapan («Китайцы, не приезжайте в Японию»). Показательна оценка пользователей японского Twitter, которые, выражая недовольство поведением китайских туристов, еще задолго до коронавирусной пандемии называли их «грязными» и «биотеррористами» [14]. Тысячи граждан Сингапура подписались под петицией с требованием к властям запретить гражданам КНР въезд в страну. Как утверждает американская журналистка из The New York times М. Рич, стремительное распространение пандемии коронавируса, начавшегося в Китае, вызвало по всему миру волну паники, а в некоторых случаях откровенные антикитайские настроения». В подтверждение данного тезиса она приводит целый ряд примеров. Так, по ее мнению, «в Гонконге, Южной Корее и Вьетнаме разные коммерческие предприятия разместили таблички, в которых говорится, что вход клиентов из материкового Китая не приветствуется. В одном из популярных туристических районов Вьетнама работники одного ресторана на входе повесили объявление с предупреждением: «Извините, мы не можем обслуживать китайцев!» («We can't service for Chinese, SORRY!»). Во Франции заголовок на первой полосе в региональной газете предупредил о «Желтой опасности» (Yellow Alert) [14]. Причем, такое отношение переносится на всех лиц азиатских народов, которые по внешности чем-то напоминают китайцев. В итоге, во многих странах, например, в городах Италии, Испании, Франции китайцы выходили на улицы с такой табличкой: «Я не вирус – я человек».

Разумеется, в геополитическом разрезе ключевое значение синофобия приобретает в фактически начавшейся холодной войне между США и КНР. Следует отметить, что американский вариант синофобии в нынешнем виде определяется самим характером развития взаимоотношений между двумя государствами за последние полтора-два десятилетия. В этом контексте нельзя не отметить тот факт, что первоначально вместо открытой синофобии использовалось понятие «китайская экспансия» или «экспансия Китая». Действительно, активность Китая в торгово-экономической сфере на мировой арене в последние два-три десятилетия иначе как экспансией не назовешь. Наиболее очевидным ее проявлением стала китайская инициатива «Один пояс, один путь», который стал, с одной стороны, явным вызовом Западу в целом и Вашингтону в особенности, с другой стороны, Евросоюзу, при всех возможных оговорках, не прочь сотрудничать с Китаем в торгово-экономической и технологической сферах. В этом смысле китайская экспансия, с одной стороны, служа фактором нагнетания синофобских настроений на всем Западе, с другой стороны, в той или иной степени, способствует стимулированию противоречий в евро-атлантическом сообществе. Этому помимо всего в немалой степени способствует также политика Вашингтона, ведущая к нагнетанию напряженности между США и Евросоюзом.

Суть вопроса состоит в том, что Китай достиг того уровня экономического и технологического могущества, что способен оспорить глобальное

лидерство США в этих сферах. К тому же Пекин постепенно подкрадывается к этому статусу в военно-политической сфере. Иначе говоря, главная причина агрессивного неприятия внешнеполитического курса Пекина Вашингтоном состоит в том, что Китай стал главным стратегическим противником США. Собственно, говоря, эта очевидность отражена в Стратегии национальной безопасности США 2017 года, где Китай вместе с Россией, названы главными врагами Америки.

Здесь важно подчеркнуть, что синофобию в американском понимании нельзя рассматривать вне связи с русофобией, которая в политике западных стран в целом, США в особенности имеет более глубокие корни и более длительную историю. Поэтому, естественно, что синофобия используется Вашингтоном в тесном тандеме с ней. Констатируя объявление Госдепартаментом США конкурса на грант в размере \$250 тысяч за «Выявление российской дезинформации в сфере здравоохранения», сотрудник Института мировой политики (США), профессор Н. Хрущева ребром поставила вопрос: «не приобрела ли русофобия в определенных кругах американского политического класса и медиа патологической характер?» [11]. В этом контексте Хрущева пытается раскрыть затеянную администрацией Д. Трампа кампанию дискредитации Китая, которая, как известно, стала основой американской синофобии. После неудачной попытки убедить остальной мир называть Covid-19 «китайским вирусом» и свалить вину за пандемию на Китай, администрация Трампа «начала проталкивать совершенно необоснованную теорию (an unsubstantiated theory) о том, что данный патоген был создан в лаборатории в Ухане» [11].

Как правило, американская синофобия ужесточается по мере обострения торгово-экономической войны между двумя сторонами. В этом направлении одним из факторов можно считать падающий рейтинг Д. Трампа и страх за результаты предстоящих в ноябре текущего года президентских выборов. Некоторые аналитики не без оснований говорят о поражении США в борьбе с коронавирусом, прежде всего, в силу политических факторов. Согласившись на снятие более или менее жестких ограничений в некоторых штатах, в которых ситуация с коронавирусом была не столь благополучным, Д. Трамп, возможно, пошел на поводу участников акций, требовавших прекращения карантина. Разумеется, немаловажную роль в этом вопросе сыграли позиции значительной части самих американцев, которые довольно решительно выступили против карантинных мер. Если, китайцы в подавляющем своем большинстве соблюдали введенные властями ограничения прямо-таки военного характера, то американцы воспринимали меры, введенные властями Вашингтона и отдельно взятых штатов, как недопустимое нарушение их прав и свобод.

К настоящему времени Китаю первому удалось одолеть коронавирусный кризис. Во всяком случае, для Пекина «самое худшее», как говорится,

уже позади, хотя коронавирус время от времени, правда, в очень ограниченных масштабах напоминает о себе в тех или иных регионах страны. Более того, Пекин более или менее эффективно восстанавливает национальную экономику и укрепляет свои геополитические позиции в мире. К тому же, выйдя победителем против коронавируса, Китай начал кампанию помощи другим странам, страдающим от пандемии. С марта 2020 года руководство Китая предоставило Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) \$50 млн., в то время как Трамп заморозил американское финансирование ВОЗ, обвинив ее «китаеццентричности» и в конечном счете США вышли из этой организации.

Весьма заметным разочарованием Вашингтона, да и всего Запада стала также очевидная победа, которую Китай и Россия одержали в гонке за вакцину против коронавируса. В создавшихся в мире при коронавирусной пандемии условиях вопрос выигрыша в развернувшейся гонке за вакцину, первенства в производстве вакцины приобрел для Запада в целом, да и остальных ключевых геополитических игроков весьма важной значение с точки зрения имиджа, престижа и статуса на шкале грандов мировой политики, а также идеолого-информационного, политического и коммерческого пиара. А для США этот вопрос приобретает дополнительную значимость в плане сохранения статуса «все еще номер один в мире».

Очевидно, что на Западе в целом, в США в особенности дела с пандемией идут не так, как хотелось бы руководителям Вашингтона и европейских стран. Разумеется, Запад в целом и США в особенности по определению не могут позволить себе, чтобы как у собственных народов, так и у остального мира сложилось мнение, что они в чем-то могут уступить кому бы то ни было в современном мире, тем более, Китаю и России, которые в официальных документах, в частности в Стратегии национальной безопасности страны названы главными врагами США.

Для объяснения данной ситуации им нужно найти и назвать виновника своих проблем. Именно в этом русле на Западе, а в США с особой изощренностью развернута широкомасштабная антироссийская и антикитайская пропагандистская кампания. Обращает на себя внимание тот факт, что вирус назван «китайским» или же по названию крупного китайского города Ухань, где началась пандемия, «уханьским». Для показательного уязвления Пекина широко используется название «красный вирус».

Во исполнение своего политического курса против этого восходящего гиганта Трамп заявил о запрете на въезд в США китайских студентов и специалистов, которые работают на правительство КНР. При этом важно учесть, что этот запрет, по данным французской газеты Le Monde, касается лишь примерно 3 тыс. граждан Поднебесной, в то время как в американских вузах их насчитывается не менее 360 тыс. студентов и специалистов, которые, как правило, являются выпускниками престижных научно-технических университетов Китая [10].

В последние годы в антикитайской пропагандистской кампании широко используются обвинения Китая в нарушении прав уйгуров, при этом открыто подогревая устремления тех сил, которые выступает с сепаратистскими требованиями отделения Синьцзян-уйгурского автономного района от КНР. Немаловажное значение имеет тот факт, что коронавирусная пандемия совпала с бунтом против истории в самих США, что по сути дела, как бы поставило крест на карантинных ограничениях и стало существенным стимулом разрастания пандемии. Дополнительную порцию масла, обострение отношений между двумя государствами внесли события в Гонконге в результате принятия Пекином закона о национальной безопасности этого особого региона Китая. Для правильного понимания сути стратегии Вашингтона по данному вопросу в комплексе факторов следует учесть не в последнюю очередь ту реальность, что в Гонконге проживают 85 тыс. граждан США. К тому же здесь функционируют 1,3 тыс. американских предприятий [5].

Но самое главное обвинение Вашингтона в адрес Пекина состоит будто в намеренном сокрытии им информации о начале и ходе коронавирусной пандемии, «преступной халатности» в этом вопросе и т.д., что может служить поводом для предъявления требований о компенсации урона, якобы вызванного его действиями. Министр обороны США М. Эспер склонен предлагать разместить в китайских био-лабораториях «международных инспекторов», как будто Поднебесная это нечто вроде какой-нибудь банановой республики. Трамп рассуждает о возможности лишить Китай «суверенного иммунитета», что, как полагает руководство США, откроют всем, кто пожелает, подать на Пекин жалобу в суд для возмещения нанесенного им ущерба. Иначе говоря, особенно горячие головы в США не прочь устроить Китаю своего рода «коронавирусный трибунал».

Особо важное значение с рассматриваемой точки зрения приобретает тот факт, что всевозрастающий упор в этой кампании делается на руководящую роль Коммунистической партии Китая, как бы вытаскивая на свет антикоммунизм и антисоветизм периода двухполюсного противоборства Востока и Запада. Развернута пропагандистскую кампанию, обвиняя руководство Китая в распространении пандемии коронавируса. Как отмечает замглавы МИД России С. Рябков, «утрата атлантическим лагерем политического, экономического, гуманитарного и геополитического лидерства вызывает нестерпимый соблазн хрестоматийно решать свои внутренние проблемы за счет внешних врагов». В этом русле, по его мнению, речь идет о попытках Вашингтона навязать мировому сообществу «антикитайский дискурс» [6], что оборачивается синофобией и русофобией. Об объединении этих двух фобий в единое целое свидетельствует особенность нынешней антикитайской пропагандистской кампании, которая состоит в том, что в ней явно проглядывается попытка объединить в единое целое «желтую опасность» с антикоммунизмом.

В контексте тех тектонических сдвигов, которые происходят в мире в целом, индо-тихоокеанском регионе и конкретно в отношениях между США и Китаем, Вашингтон разрабатывает антикитайскую стратегию, которая должна служить идейно-политической основой антикитайской пропагандистской кампании. В этом русле обращает на себя внимание статья в апрельском выпуске ежемесячного журнала «The Atlantic» бывшего советника Д. Трампа по вопросам национальной безопасности генерала Г. Макмастера «Как Китай видит мир? И как мы должны видеть Китай?» (How China Sees the World--and How We Should See China?). По своей значимости для внешнеполитической стратегии США данную статью сравнивают с так называемой «длинной телеграммой», которую 22 февраля 1946 в то время временный поверенный в делах США в Москве Дж. Кеннан отправил в Вашингтон. Как известно, на ее основе была подготовлена статья «Истоки советского поведения», опубликованной в журнале «Foreign Affairs» под псевдонимом «Х», послужившим одним из документов, на основе которых были разработаны установки послевоенной политики США в отношении СССР.

Свои весьма важные штрихи в эту кампанию вносит госсекретарь США М. Помпео, который, по мнению Дж. Закса, в июле текущего года дал старт «нечестивому (unholy) крестовому походу против Китая», который может стать прелюдией войны США с Китаем [15]. В своей речи, произнесенной в июле 2020 года городе Йорба-Линда на юге Калифорнии под названием «Коммунистический Китай и будущее свободного мира», утверждал: «Если мы не будем действовать сейчас, в конце концов КПК подорвет наши свободы и обрушит основанный на правилах порядок, который наши общества строили с такими тяжелыми усилиями» [1]. В этом же направлении выдержан документ «Стратегический подход США к КНР», обнародованном Белым домом в мае 2020 года. В нем в частности, заявлено о начале «стратегической конкуренции» между двумя странами, что по сути дела означало объявление Вашингтоном холодной войны против Китая. В этом же контексте можно рассматривать выпущенный Республиканским исследовательским комитетом (RSC) доклад под названием «Укрепление Америки и противодействие глобальным угрозам». В нем в качестве угроз национальной безопасности США помимо Китая и России был назван также Иран. Тем самым, Вашингтон противопоставил себя новой «оси зла» в конфигурации своего рода треугольника Пекин – Москва – Тегеран. Используется русофобия, которая содержит в себе в несколько переэквалифицированной форме старый проверенный антисоветизм, замешанный на антикоммунизме. Современная версия русофобии это по сути дела своего рода переведенное на современные реалии идеолого-политическое обоснование формулы «советская угроза» на формулу «российская угроза».

С учетом изложенных доводов и аргументов можно сделать вывод, что с начала 2020 года во властной системе и среде политического, интеллектуального и медийного истеблишмента США во всевозрастающей степени наблюдается тенденция к обвинениям не просто Китая как такового, а Коммунистической партии Китая, рассматриваемой в качестве стержневого ядра его политической системы. Тем самым четко прослеживается попытка противопоставления действующей власти интересам народа. Ставка делается на подготовку внутренней оппозиции, социальную и политическую дестабилизацию, подпитку сепаратистских настроений и движений в отдельных регионах – Гонконге, Тибете, Синьцзян-уйгурском автономном районе. В ноябре 2019 года принят закон о защите демократии и прав человека в Гонконге. Рассматриваются также возможности использования в этих целях сообщества экспатов, диаспор хуацяо, которые имеют квоту в Народном политическом консультативном совете Китая (НПКСК). Как отмечает Г. Макмастер, «США и другие свободные и открытые общества должны рассмотреть вопрос о выдаче большего количества виз и предоставлении путей получения гражданства большему количеству китайцев..., которые могут стать серьезным противодействием пекинской пропаганде и дезинформации» [13].

С точки зрения стратегического характера предпринимаемых мер заслуживает внимания тот факт, что антикитайская пропагандистская кампания не вызвала каких-либо критических замечаний в демократическом лагере, представители которого с порога отвергают любые начинания администрации Трампа. Кандидат в президенты от Демократической партии Дж. Байден выступает за еще более конфронтационную политику по отношению к КНР и в придачу с ней к России.

Следует отметить, что китайские СМИ и внешнеполитическое ведомство, как говорится, не остаются в долгу и находят доводы и аргументы для обвинений США в осуществлении «волчьей дипломатии» (*Diplomatie des Woles*) на международной арене, называя при этом госсекретаря США М. Помпео «врагом человечества», «темным призраком» («*dunklen Geist*») или «суперлингом политических вирусов» («*Superschleuder politischer Viren*») [12]. Учитывая, что корнем многих глобальных проблем являются США, китайская газета «Жэньминь жибао» соглашается с теми авторами, которые называют их «сверхдержавой-жуликом» [16]. Как утверждается в немецком портале Focus Online, КНР ставит своей целью использовать коронавирусную пандемию для демонстрации своего превосходства над США и сменить их на месте лидера современного мира [12]. Разумеется, в этих рассуждениях есть переделенное рациональное зерно, о чем в частности свидетельствуют усилия Пекина по оказанию помощи медикаментами, средствами защиты от заражения коронавирусом, материальной и финансовой помощи Всемирной организации и целому ряду стран в том числе

и Евросоюза, нуждающихся в такой помощи. И это при всем том, что США демонстративно вышли из этой организации соответственно, перестали финансировать ее.

Агрессивная антикитайская риторика Вашингтона следует рассматривать в контексте торгово-технологической войны и в более широком контексте геополитического противостояния за место между двумя гигантами в новом полицентрическом миропорядке. В этом контексте главный адресат этой риторики не столько Китай, сколько, сами США и Запад в целом, а также возможные союзники во всем мире. Обоснованность данного тезиса определяется тем очевидным фактом, что предназначение антикоммунистического поворота состоит в достижении главной цели, преследуемой Вашингтоном, суть которой состоит в стремлении создать единую антикитайскую коалицию. Однако большинство сколько-нибудь значимых государств, мягко говоря, довольно прохладно приняли подобные попытки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акопов П.* Зачем США пытаются оживить призрак коммунистической угрозы?
2. *Бердяев Н.* Судьба России: сб. статей (1914-1917). М., 1990.
3. *Дятлов В.И.* «Великие ксенофобии». Взаимовлияние и взаимодействие на опыте России // Дружба Народов. № 7.
4. *Маркс К.* Китайские дела / Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. М., 1959. Том 15.
5. *Павленко В.* Китай начинает формулировать концептуальный ответ Вашингтону // <https://regnum.ru/news/polit/3004716.html>.
6. Рябков заявил о русофобии и синофобии на Западе. 14 мая 2020 // <https://yandex.ru/turbo/s/vz.ru/news/2020/5/14/1039415.html>.
7. Attitudes toward China // <https://www.pewresearch.org/global/2013/07/18/chapter-3-attitudes-toward-china/>.
8. Correspondance entre Guillaume II et Nicolas II, 1894-1914. Paris: Plon, 1924.
9. *Dittmar P.* Die ewige Angst vor dem Chinesen // Die Welt. 26 Januar 2020.
10. *Feng I.* Chine: «Apprendre les techniques supérieures des barbares afin de mieux les contrôler» (Китай стремится перенять технологии варваров, чтобы лучше их контролировать) // Le Monde. 11 juin 2020.
11. *Khrushcheva N.L.* Russian Derangement Syndrome // Project Syndicate. May 28, 2020.
12. *Kretschmer F., Moll S.* China keilt gegen die USA – mit der Diplomatie des Wolfs // Focus Online. 9 Mai 2020 // https://www.focus.de/politik/ausland/machtkampf-usa_id_11965898.html.
13. *McMaster H.R.* How China Sees the World--and How We Should See China The Atlantic, April 2020 // <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2020/05/>

14. *Rich M.* As Coronavirus Spreads, So Does Anti-Chinese Sentiment // The New York times. 30 January 2020.

15. *Sachs J.D.* America's Unholy Crusade Against China // Project Syndicate. 7 August 2020

16. *Wong T.* Sinophobia: How a virus reveals the many ways China is feared. 20 February 2020.